

Владимир Фомичев
Человек и история
Книга вторая

**«Шахтерские
университеты»
и «хрущевская оттепель»
на Северном Урале**

Человек и история

Владимир Фомичев

**Человек и история. Книга
вторая. «Шахтёрские
университеты» и «хрущёвская
оттепель» на Северном Урале**

«Accent Graphics communications»

2015

Фомичев В.

Человек и история. Книга вторая. «Шахтёрские университеты» и «хрущёвская оттепель» на Северном Урале / В. Фомичев — «Accent Graphics communications», 2015 — (Человек и история)

Книга «Шахтёрские университеты» и «хрущёвская оттепель» на Северном Урале» вторая из серии «Человек и история». Речь в ней идёт о юности главного героя, о выборе профессии, во время «хрущёвской оттепели». Книга состоит из набора повседневных историй, которые автор вспоминает с любовью и теплотой.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Воз дров	6
Глава 2. Жажда познания	10
Глава 3. Выбор цели	12
Глава 4. Первая попытка	14
Глава 5. В дорогу дальнюю	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Фомичёв

Человек и история. Книга вторая

«Шахтёрские университеты» и «хрущёвская оттепель» на Северном Урале

*Я не случайно в руки взял перо,
Доверил мысли пишущей машинке,
Не соблазнился ставить на zero -
Пошёл путём неспешным, по старинке.
Я впитывал тончайший строй цветка,
Глаза от цвета неба голубели.
Дорога жизни будет нелегка -
Я это понял в детской колыбели.
Пытаюсь сшить лоскутья всех времён
Посредством мне доступной, скромной лиры
И, кажется, доволен, что клеймён -
Клеймом трагикомедий и сатиры!*

Предисловие

В человеческий характер, в его сущность, природой, а может Богом, заложена склонность к подвижничеству, а если конкретнее – к подвигу. Подвиги бывают разные. Есть подвиги мелкие, незначительные, но из-за моды на них – распиаренные. Они тянут на премию, медаль, а то и орден, служат для примера, для назидания обществу. Есть подвиги крупногабаритные, так что они не вмещаются даже в одно тысячелетие, получают статус мифа, становятся незыблемыми столпами вечности. В основном же подвижничество состоит из постоянных мелких, средних, больших подвигов. Они не отмечены в истории, не получили вознаграждение, так что их свершители растворились и исчезли в вечности без следа. Справедливо ли это? История об этом умалчивает, а слава – девка непостоянная, иногда просто продажная.

Глава 1. Воз дров

Так уж получилось, что я в семье стал основным заготовителем дров на зиму. Конечно, я ещё не мог конкурировать с мужиками по этой части. Взрослые мужики зазывали к себе в дом лесника, угощали его самогонкой до полного умиротворения, и тот выдавал карт-бланш на заготовку настоящих берёзовых дров. Потом эти толстые, хорошо высушенные поленья были аккуратно сложены в поленницы в сараях. Я тогда ещё не достиг такого возраста, чтобы иметь возможность общаться с лесником на подобном уровне. Лесник, попуская мужикам, жестоко отыгрывался на подобных мне ребятах. Узнав, что кто-то привёз дрова, он заглядывал во двор, ворошил привезённый хворост и пьяно угрожал: вот составлю сейчас акт за незаконную порубку.

Это вызывало уж если не испуг, то омерзение к этому охранителю лесных угодий. Как говорится: волк собаки не боится, но не любит лая. А поэтому мне приходилось в родной свой лес ходить «на цыпочках», тихо срубить подгнивший сухостой под самый корень, разравнивать листву, чтобы и следа от срубленного дерева не было заметно. Толщина же этого полугнилья у самого корня была едва ли толще топорика. В принципе, это была санитарная чистка леса, необходимая и оттого очень полезная. За это не ругать нужно было, а поощрять и даже платить деньги. По справедливости, надо заметить, что лесных пожаров в ту пору не было. Лес был очищен от сухостоя, всякого горючего хлама. Сухой травы не было. Она вовремя скашивалась на корм скоту. А живое здоровое дерево попробуй поджечь!

Однажды уже поздней осенью я заготавливал дрова на грядущую зиму. Нашёл и срубил сухостойные деревья. Ветки не обрубал, так как и они пригодятся на топливо зимой и лес не будут замусоривать. Стащил это всё в кучи поближе к лесным тропинкам, взял лошадёнку и за несколько приёмов привёз это всё домой. Возле хаты образовалась, по моему тогдашнему мнению, – огромная гора дров. Теперь оставалось всё это порубить и аккуратно сложить, чтобы было зимой чем печку топить. Дровяного сарая не было. Тут я проявил изобретательность, даже немного с художественным вкусом. Одна из стен хаты имела направление на северо-восток. Вот к этой стене впритык я и организовал поленницу, которая, по моему соображению, должна была являться дополнительным щитом от самого свирепого, особенно в зимнее время, северо-восточного ветра.

Когда была переработана эта «гора», в основном хвороста, то вся стена по длине и высоте под самую крышу украсилась поленницей. Технология такова: рубился ствол этого полузасохшего деревца по размеру, годному для печи. Толстые поленья раскалывались пополам. Укладывались эти поленья, более или менее похожие на дрова, вдоль всей стены, образуя некий слой. Потом по той же длине укладывался слой из веток, которые были больше похожи на метлы. Итак, слой на слой, слой за слоем – под самую крышу. Белый слой из поленьев, тёмно-коричневый из веток – образовали многослойный «пирог». Проходящие мимо соседи качали головами, цокали языками и лгливо насмеялись: ну это ж надо!

Но, как говорится, в сердце лгсть всегда отыщется уголок. Так что я, окончив работу, сидел на колоде, на которой рубил дрова, и тешил своё самолюбие, сыпавшимися от соседей восторженными похвалами. Оно и в самом деле, такого объёма заготовленных дров лично я не помнил, поэтому, глядя на это громадьё, тешил себя мыслью, что эта зима – под контролем! Моя малоопытность извинялась тем, что необходим не только объём, но и качество топлива. В печке эти прутики-веточки сгорали быстро, как порох, не давая нужного жара. Мужик полагает, а погода располагает. Так оно и получилось. Зима в том году пришла ранняя, и не только ранняя, но и морозная, и очень снежная. Этот свирепый северо-восточный ветер, от которого я посчитал надёжной защитой свою поленницу, словно насмеяясь, показал ничтожность и наивность моей самонадеянности.

Зимой во всех хатах ставились небольшие временные печки, называемые «трубками». В мягкие оттепельные зимы достаточно было раз-другой протопить печку-грубочку, и этой прибавки к теплу русской печи вполне хватало. А тут зима как взбесилась! Морозы были настолько лютыми, что даже подрезали крылья летящим птицам и те, прерывая полёт, шлёпались в сугроб. Снегопады, а то и бураны, чередовались с морозами и столько нанесли снега, что пути сообщения между хатами были похожи на траншеи. «Грубки» в хатах дымились постоянно, давая только время на топку большой печки. А раз так, то дрова очень быстро расходывались, то есть сгорали. Календарная зима подходила к концу, был месяц февраль, его последняя декада, но дрова закончились ещё раньше.

Закончились дрова – это выражение, скорее, фигуральное. На отопление была израсходована вся изгородь, а от хвороста, заготовленного мной, так уж и дыма давно не осталось. Угроза замёрзнуть всей семьёй стала реальностью. Что там песенный ямщик, который замерзал где-то там в степи. Тут ведь лесная сторона, кругом леса, а в лесах дров немеряно. Но как говорится, близок локоть, да не укусишь. Как добраться до этих дров? Бывали случаи, когда во время тотального голода люди поглядывали друг на друга, кого бы съесть, чтобы другим выжить. Виновником за нехватку дров на всю зиму я считал себя, а не зиму. Только нерадивые люди стараются всё списать на стихию, природные катаклизмы.

Был ясный морозный день, во всяком случае, не мело. Я оделся не по погоде легко, так как достаточно тёплой одежды не было. Матери и старшей сестры дома не было, младшей сестре и брату я ничего не сказал. Взял в сенях топор, верёвку, закрыл за собой входную дверь и направился на колхозный двор. По дороге я размышлял: какую мне взять лошадь? Но не брать же мощного Кудряша, которому только и таскать оружейные лафеты. Он в сугробах, к тому же, быстро выдохнется. Нет, здесь не сила нужна, а ловкость и маневренность. В итоге мой выбор пал на Пегую лошадь, так называлась не крупная, но достаточно опытная и бойкая кобылка.

Был как-то в гостях у своих родственников в нашей деревне мальчик из Грузии. Привозила его огромная чёрная тётя. Она объявила: нужно, чтобы бичико стажировался на русском языке.

Так вот этот бичико, увидев Пегую, направил на неё указательный палец и с очень умным видом сказал: это очень небольшой лошадь. И после паузы:...или это большой ишак.

На колхозном дворе я ориентировался не хуже, чем на своём. Знал, где находится дежурная упряжь, где и какая находится лошадь. Кони в своих станках стояли задами к проходу. Есть мудрое правило: обходи лошадь спереди, а быка сзади. Уговаривать лошадь, чтобы она в своём станке повернулась передом, разумеется, глупо. А лезть к ней в станок сзади, кто знает, что у неё на уме.

Лошадь, даже самая мирная, не всегда понимает, кто там крадёт к ней в её станок, и может лягнуть, то есть ударить копытом. А это не только больно, но чревато! Так что зайти к такой, даже сугубо мирной кобылке, нужно было соблюсти определённый этикет. Я надёргал из существующей здесь скирды наиболее ароматного сена и уже с этой охалкой пошёл в гости. Пока я шёл по проходу, лошади оборачивались, ржали, как бы приглашая зайти к ним, но я осчастливил только свою избранницу. Я постоял, немного подождал, пока Пегая насладится угощением, на зависть другим лошадям, затем надел уздечку на услужливо подставленную голову. Захватил с собой принесённое угощение, и... вместе пошли на дело, на работу. Сани я выбрал более лёгкие, но прочные. А я знал толк в этих санях.

Куда ехать, я уже давно определился. Ехать в те места, где я обычно заготавливал дрова, не представлялось возможным. Туда не было никаких дорог, ни даже намёка на них. Поехал же я по хорошо укатанной дороге, которая вела на центральную колхозную усадьбу. По этой коммуникации осуществлялись все необходимые связи деревни с внешним миром. Как только я выехал на эту дорогу, так тут же сразу лицом к лицу столкнулся со свирепым северо-восточ-

ным ветром. Мне кажется, что он этого только и ждал. В его посвисте как бы слышалось: ага, попался, голубчик!

– Не понимаю, с чего ты меня так невзлюбил? – мысленно ответил я ветру. Я даже имя ему ласкательное придумал: «Сева».

Так я доехал до глубокого оврага, но туда не полез, повернул направо, прямо к лесу. Правда, и здесь никакой дороги не было, но по какой-то случайности на этом участке поля снег не задерживался. Он пролетал с курьерской скоростью прямо над полем. Поле оставалось чистым, то есть с не глубоким, но плотным снегом, так что по нему хорошо скользили сани и легко бежала Пегая. Так мы добрались до самого леса. Нам и тут повезло. Вдоль самого леса сохранились участки зимней дороги, по которой вывозился строительный лес. Вот по этой дороге мы неспешно поехали. Я медленным взором обшаривал придорожное мелколесье, рассчитывая там отыскать что-нибудь пригодное на дрова.

Учитывая угрозы лесника, приходилось думать: берёзу рубить нельзя, рубить хвойные и в голову не приходило, сухостой здесь весь выбрали заблаговременно, такие же как я. Хуже всех в печке горит сырая осина. Это сущее наказание для хозяйки. И вдруг я увидел ольху. Ольха в реестре запрещённых деревьев не числилась, к тому же ольховника в лесу, в оврагах было немеряно, руби – не хочу. Вот и не хотели рубить ольху, если только кому-нибудь не понадобится что-нибудь закоптить: окорок, сало, рыбу, уж очень ольха годилась для копчения. Ольха не высокорослое дерево, так для чего она нужна, толстая и низкая?

Но вот эта ольха, которую я увидел, являлась отклонением от своей породы. Она была достаточно высокой и ровной по своей толщине, от комля до макушки. Сучьев на ней было тоже не много, только у самой кроны. Я остановил лошадь и осмотрелся. До нужного мне дерева было не далеко, с десятков метров. Но что это были за метры! Это были метры по глубокому снегу, как обычно говорят: по пояс. Но по чей пояс? Делать было нечего. Я положил небольшую охапку сена перед лошадью, чтобы ей было чем заняться, пока я буду работать. Кстати, надо заметить, что лес укрывал меня от северо-восточного моего неприятеля. Добравшись до ольхи, я утрамбовал снег вокруг неё, подрубил в самом низу так, чтобы дерево упало поближе к дороге. За временем я не следил, не было часов, да и не было желания и времени следить за временем.

Нужно было следить, чтобы срубленное дерево упало туда, куда мне было выгодно. И вот, наконец, оно, на всю свою длину, вытянулось в мягком снегу, да так, что почти и утонуло в нём. Второй этап работы был тоже не прост. Нужно было достаточно толстое для меня дерево разрубить на не очень длинные, почти по размеру саней брёвнышки. Когда и с этим было покончено, наступил третий этап моей работы. Нужно было перетащить эти брёвнышки к саням и уложить их на сани. Когда я попробовал приподнять комлевою, самую толстую часть, то понял, что без подъёмного механизма здесь не обойтись. Но так как единственным подъёмным механизмом являлись моя спина и плечи, то приходилось рассчитывать только на этот механизм.

Я подкапывался в глубоком снегу под брёвнышко, подлезал под брёвнышко, из всех сил пытался толкнуть его к дороге. Поначалу это было очень трудоёмко и малоэффективно, но понемногу я приспособился, стал работать ловчее, и работа пошла быстрее. Так или иначе, но будущие дрова вскоре были погружены на сани. Верёвкой, взятой из дома, я связал эти дрова с санями и зафиксировал скруткой, которая натянула верёвку, так что получился устойчивый воз. Я не зря выбрал эту лошадку, не зря на неё надеялся, она быстро и ловко преодолела небольшой участок глубокого снега и вытащила воз на поле. Здесь сани с дровами заскользили легко, и я мог себе позволить устроиться на возу, не обременяя своим весом тягу лошади.

Воз выкатился на дорогу и заскользил ещё легче, быстрее. Лошадка даже пробовала бежать, а то как же, стимул явный: бежать к дому, к теплу, к пище! Да и ветер дул не в лицо, а даже помогал, подталкивал. Я прямо по огороду, по неглубокому снегу, подъехал прямо к самой хате. На шум выбежала вся семья и устроила сцену: «не ждали». Моё отсутствие они

объясняли тем, что я где-нибудь играю с мужиками в карты. Я уже считал себя героем дня и вознамерился легко и ловко спрыгнуть с воза, показав тем самым свою молодецкую удаль и что для меня такие поступки дело обычное, можно сказать, обыденное. Но тут я ощутил, что я не могу ни двинуть ногой, ни пошевелить телом. Немного вращалась голова на шее да рука, которая держала вожжи, управляя лошастью.

Я стал соображать, что это со мной? Первой догадалась мать: берите его, тащите с воза, несите в хату. Там с меня еле стащили смёрзшуюся, негнущуюся одежду. Пока я занимался с дровами, ползал в глубоком снегу, снег таял, и одежда промокла до нитки. А когда я ехал на возу в чистом поле, мороз сковал её и превратил в прочные доспехи средневекового рыцаря.

Я завернулся в одеяло и быстро забрался на печь, где и отогрелся душой и телом. На то она и существует, во всяком случае, существовала, русская печь, которую так возлюбил сказочный герой Емеля. Всё остальное делалось без моего присутствия. Брёвнышки скатили с саней, лошадь отогнали на место, и я, отогревшись, порадовал свой организм горячими щами. Дрова, даже из сырой ольхи, горели очень жарко и давали много углей, что говорило в их пользу. Тут как раз началась очень ранняя и бурная весна, так что дров хватило вполне.

Глава 2. Жажда познания

С момента рождения любого существа сразу же проявляется заложенная природой жажда жизни, включается инстинкт самосохранения. Заглянем в птичье гнездо, где только что вылупились из яичек птенцы. Вот птичка принесла им корм. В чей клювик она положит букашку? Да в тот, который ближе к ней и шире раскрыт. Стучите – и откроют вам. Просите – и дадут вам. Так, или примерно так, гласит Евангелие. Учитель любит заниматься с более способными учениками. А ведь способность – это дело наживное, и подталкивается оно жаждой познания. Скучность, отсутствие стремления к познанию очерчивает замкнутый круг интеллекта. Освоит подобный индивид необходимый ему набор функций и этим вполне удовлетворится.

А у этих – жадных – клювики всё шире и шире раскрываются. Потребность растёт. Природой заложено огромное разнообразие вкусов, желаний, стремлений. Когда я научился читать, я быстро понял прикладное значение книг. У взрослых, озабоченных добыванием средств, необходимых для существования, не всегда хватает времени для общения с детьми. А так как свято место пусто не бывает, то плодами просвещения «угощает» улица. Плоды эти не всегда съедобные, а горечь от них остаётся надолго. Правильные книги отвлекают от этого, корректируют мысли, стремления. Я так привык к книгам, что они мне, зачастую, заменяли общение со своими сверстниками. А то как же: книга умнее, интереснее, завлекательнее этих моих друзей.

Большинство ребят интересовало, где найти табак и укромное место, чтобы там покурить.

Первое время, по наивности, я не отделял художественную литературу от учебников. Был случай на уроке истории, когда проходили восстание Спартака. Я у доски при ответе нарисовал такую картину, которую почерпнул у Джованьоли, итальянского писателя-историка. Учительница, очевидно не читавшая этого романа, была явно заинтересована и даже не знала, как реагировать на мои подобные знания, которые я очень убедительно изложил. Одноклассники тоже внимательно слушали, и им, наверно, казалось, что я сам участвовал в этом восстании Спартака.

Что же касается учебников, таких как: География, История, Ботаника, Зоология, уж не говоря о Литературе, – то тут лишь бы никто не мешал мне вникать в их мир – мир умный, увлекательный, познавательный. Зоология и Ботаника лишь стимулировали меня внимательнее относиться к окружающей природе. Ну что может быть увлекательнее путешествия по географическим картам, где красными стрелочками были отмечены маршруты путешествий Магеллана, Колумба, Крузенштерна, Лазарева и других мореплавателей и путешественников-землепроходцев. Я даже стал отдавать предпочтение контурным картам, так как не было нужды в надписях названий.

С математикой, физикой, химией обстояло дело сложнее. Эти синусы, катализаторы, электроны, бегающие по проводам, не имели для меня прикладного значения. Не было лабораторий, где можно было бы проводить опыты: собрать электрическую цепь, что-нибудь поджечь в ретортах и этим вызвать интерес к предмету. Так что недополученные знания по этим предметам неприятно отразились на дальнейшей учёбе в техническом колледже. А пока в школе я пожинал лавры гуманитария и мечтал, что это надолго, если не навсегда.

Так что из вышеизложенного следует: природа являет собой абсолютное многообразие. Но, как это ни странно многим слышать, в ней отсутствует равенство. Случись в природе равенство, баланс, ещё какое-нибудь равновесие – и развитие жизни тут же прекратится, остановится. Ничто так не утомляет, как одинаковость. Только по этой причине каждый человек считает себя лучше других. Этим он раздражает своё окружение, провоцирует на соревнование с ним. «Мы тоже не хуже! Нас тоже не в крапиве нашли...» – примитивный пример, но точный

и действенный, стимулирует прогресс. Приведём пример антагонизма города и деревни: горожанин поднимает планку самохвальства, самодовольства значительно выше уровня развития сельского жителя.

Вспомним, как стольный киевский князь обозвал Илью Муромца – «деревенщиной». И это нужно было понимать как оскорбление, а в итоге именно эта «деревенщина» и спасла стольный град Киев.

Я почитаю за счастье, что родился, провёл своё детство, отрочество и начало юности в деревне. Как говорится, «каждый кулик своё болото хвалит». С этим нельзя не согласиться. «Где родился – там и пригодился».

Нельзя не отметить, что деревня располагалась на очень бойком историческом месте. Война, конечно, дело скверное, но она даёт сильный импульс для развития. Я с детства понимал, что жить в деревне мне будет тесно, готовил себя для жизни в городе.

На лето в деревню к родственникам приезжали ребята из города, из Москвы. Я присматривался к ним. Их язык, их речь отличались от деревенского говора. Но я тут же отметил, что такой же язык в книгах, которые я мог легко озвучивать, то есть разговаривать. В деревне приходилось говорить по-деревенски, чтобы не вызывать насмешек односельчан: «Чего это он задаётся!»

Начитавшись книг, я для себя оправдывал себя: «С волками жить – по-волчьи выть» – или: «Вой не вой, а ходи серой». Так я себя утешал и старался ничем не выделяться – так спокойнее. Доступ к книгам по различным каналам у меня сильно возрос. Газеты, которые для меня выписывала сестра, тщательно прочитывал. Но самым большим достижением, как бы сейчас сказали, прорывным, для меня явилось радио, которое являлось в то время властелином эфира.

Первым обладателем радиоприёмника стал житель деревни Константин, или, как все его звали, Костик. Приёмник носил претенциозное название «Родина». По технической характеристике он отмечался как «супергетеродин». Но скорее всего, супером было то, что у этого радиоприёмника был диапазон коротких волн. А это, тут приложите палец к губам, вызывая к молчанию, в ночной тишине можно было, пошарив по коротким волнам, поймать «Голос Америки». Стоило поймать этот «Голос», услышать несколько неясных прерывистых фраз, как тут же наваливались глушилки, кричалки, скрежеталки, как говорится: «поп своё – чёрт своё». Так и проходило это состязание.

Пусть по обрывкам фраз, отдельным словам, всё же появлялась другая пропагандистская картина, отличная от тотальной советской тенденциозной идеологии. Будничным эфир был заполнен новостями со строек, с полей. Праздники отличались большими праздничными концертами, воскресные дни иногда ошастливливались «Театром у микрофона». Самыми заядлыми радиослушателями оказались сам Костик и я. Пока мы с ним по ночам «обшаривали» эфир, его семья дружно спала, и никто никому, по всей видимости, не мешал. Заходили, иногда, и другие интересные этого чуда техники, но их это быстро утомляло, и после их ухода Костик и я облегчённо вздыхали.

Глава 3. Выбор цели

Как широко известно, судьбу юных отпрысков решают родители, а то и семейный совет.

Я в этом смысле был предоставлен самому себе полностью. Никто не брал меня за руки белые, не сажал за столы дубовые, и, помимо повседневных житейских вопросов: что, где, когда? – появилась главная проблема: как, кем, куда? Так что, когда я находился наедине с собой и в руках у меня не было книги, я умом окунался в эту проблему. Начинал с того, что навевали книги.

Вот я лётчик-истребитель, но уже не пропеллер перед глазами, а рёв реактивного двигателя позади, не гашетка пулемёта, а пушечка, а то и ракетки...

Бессмысленно летать, оставлять за собой белую полосу, когда нет войны и некого сбивать в голубом небе.

В детстве, правда, я мечтал стать шофёром, но, увидев, какие шофёры грязные, перемазанные, я задумался. Я не любил немытых рук, немытого лица и частенько в свой адрес слышал шипение: белоручка...

Всё же один случай вызвал во мне восторг. Однажды мы шли в школу, голосовали обычно бортовым машинам, но в тот раз их было мало, и они не останавливались, видимо, им было не до нас.

Как вдруг, к нашему неопишуемому удивлению, остановилась легковая машина. Это была новенькая «Победа», по тем временам, почти несбыточная мечта всех автомобилистов. Ошеломлённые, мы стояли, не двигаясь, боясь прикоснуться к этой красавице. Тогда водитель открыл переднюю дверь и скомандовал: садитесь. Я оказался первым и уселся рядом с шофёром. Тогда он, перегнувшись через спинку сиденья, открыл заднюю дверь. На заднее сиденье уселось несколько ребят, заполнив его полностью. Остальные, не поместившиеся, робко топтались возле машины. Хозяин машины, а по всему было видно, что он хозяин машины, одет был в гражданскую одежду, на груди у него сверкал орден Героя Советского Союза, а это важнее медалей во всю грудь.

– Забирайтесь все, – теперь уже повелительно скомандовал герой. Так что все ребята поместились в машине, расположились сидя, стоя и лёжа пластом.

Когда мы у школы покидали машину, на наше возбуждённое «спасибо» герой протёр глаза платком и пробормотал: «только учитесь хорошо, ребятки».

Я тут же в грядущих своих планах сделал заметку: если уж за руль, то только уж в таком качестве.

В дальнейших рассуждениях о своей судьбе я решительно отмёл ещё две профессии: учителя и врача.

Единожды выбрать на всю жизнь профессию учителя, чтобы потом париться с этими шкодливыми ребятами, или врача, работающего с больными, кашляющими, харкающими, стонущими, да ещё и помирающими – ну что может быть хуже? Если учесть к тому же мою природную застенчивость, непереносимость чужой боли и вульгарную брезгливость...

Тут уместны вопросы: а что же мне в жизни больше всего нравилось? Чего жаждала душа? К чему стремился разум? На этот счёт у меня сомнений не было. Это была литература! Интересовали также философия и психология. Но это всё было в книгах, и я мог всё это постичь самостоятельно.

Разумеется, это всё что касалось духовной ипостаси. Но ведь необходимо было подумать и о хлебе насущном. Тут в дело вступала группа силлогизмов: «не потопаешь – не полопаешь». Теперь ещё включалась бытовая логика, и я начинал рассуждать. На долгую учёбу в учебных заведениях, на ничтожную стипендию рассчитывать было глупо. Надеяться на помощь родителей, не имеющих денег, было бы ещё глупее. Вот поэтому подобные мне ребята поступали в

училища, где кормили, одевали, а после окончания обеспечивали работой, а стало быть и зарплатой. Служить в армию тоже шли охотно. Она вызволяла ребят из колхозного ярма и также кормила, одевала, давала иногда специальность, которая могла пригодиться на «гражданке».

Глава 4. Первая попытка

Однажды я поехал в город, чтобы продать собранные грибы, ягоды и для собственного удовольствия исполнить культурную программу, то есть посмотреть все кинофильмы, которые идут во всех кинотеатрах. Шёл только один новый фильм, который я ещё не смотрел, а фильмы, виденные мною ранее, я проигнорировал. Оставалась ещё уйма времени, и я стал бродить по городу, обращая внимание на вывески учебных заведений.

Моё внимание привлекла вывеска с надписью «Библиотечный». Сердце тут же откликнулось: уж не эта ли моя альма-матер! Я оттянул на себя пружину тяжёлой двери и зашёл в вестибюль этого старинного здания. В полумраке, особенно после дневного яркого света, я разглядел группу девушек. Они о чём-то оживлённо разговаривали, перемежая свою беседу смехом, очень похожим на кудахтанье кур. Многие из них поблёскивали стёклами очков. Неуютно мне всё это показалось...

Я услышал за спиной взрыв хохота, когда за мной закрывалась входная дверь.

«Курятник какой-то!» – подумал я.

Через некоторое время я снова набрёл на «Вывеску». Из её анонса я выяснил, что там можно получить специальность «технология силикатов».

Что такое силикаты, я не знал, вот именно это и привлекло моё внимание. Я изучил условия приёма и решил сюда непременно наведаться, с целью получения специальности «технология силикатов». Что-то в этом звуке обдало меня чуть ли не ветром романтики.

Я собирал необходимые справки для поступления, когда мать моего одноклассника Шурика полюбопытствовала: действительно ли я собираюсь ехать поступать учиться. На мой утвердительный ответ она попросила взять с собой Сюрика. Так как она присюсюкивала, то все и звали её Шурика Сюриком. Я, конечно, не мог отказать тёте Моте, как её звали за глаза, и согласился. Сказал, какие необходимые справки нужно собрать.

Я поработал над билетами для поступающих. Сюрика эта сторона дела не интересовала. Зато он показал мне маленький самодельный сундучок, изготовленный из фанеры, вымазанный чёрно-грязной краской. Закрывался он крохотным навесным замочком, таким же крохотным ключиком. Во всяком случае, по мнению Сюрика, сохранность предметов и вещей в этом сундучке надёжно гарантировалась. И он даже предложил часть объёма в нём мне. Приехали мы в город очень ранним пригородным поездом. Пришлось подождать, пока откроется это учебное заведение, чтобы подать свои документы. Нас предупредили, что допущенные к экзаменам будут проинформированы списками на «Доске объявлений».

А пока же нас как иногородних направили в общежитие. В большой комнате, которая скорее могла бы называться небольшим залом, стояли металлические кровати с панцирными сетками. Никаких спальных принадлежностей не было и в помине. Правда, это ничуть не смутило иногородних селян, явно не привыкших к городской роскоши. Панцирные сетки от долгой эксплуатации сильно провисли и были похожи на гамаки.

Абитуриентов это приводило в восторг, и они с металлическим лязгом покачивались, наслаждаясь городским комфортом. После обеда «списки» пригласили на письменный экзамен по литературе. Проштемпелёванные листки с работой принимала женщина.

Она брала листок, отмечала что-то в журнале, даже не взглянув на абитуриента. Пожалуй, она один раз посмотрела на автора работы, которым был я. Поразила её же с первого взгляда на листок необычно чёткая, красивая каллиграфия.

Я переписывался со старшими ребятами, которые уже служили в армии, и те с гордостью показывали мои письма своим сослуживцам. Их товарищи пророчили мне карьеру ротного, а то и полкового писаря. В армии тогда не было не только персональных компьютеров, но и обычных пишущих машинок.

После экзамена мы с Сюриком побродили по городу. В кинотеатрах шли фильмы, которые я уже видел, а Сюрика они несколько не привлекали. Зато он вольно накурился всласть.

Это же надо, какая огромная привилегия курить открыто, не стесняясь, не боясь никого, сам себе голова. Но так как Сюрик имел очень маловысокий рост, то одна женщина всё-таки сделала замечание, есть же такие дамы, которые любят совать свой нос в чужую жизнь. Причём она адресовала это замечание почему-то мне, хотя я и не курил. Примерно в таких выражениях: почему я как старший товарищ позволяю курить малолетнему ребёнку!

Уже начинало смеркаться, когда мы разместились на заранее выбранных кроватях. Все приехавшие поступать были по двое – по трое из одной деревни или села, поэтому они общались пока друг с другом. Один, из наиболее продвинутых ребят, решил включить свет.

Почти во всех деревнях электричества не было, поэтому никто не знал, как это сделать, то есть включить свет. А этот парень знал. Он подошёл к выключателю и щёлкнул им: света не было, так как лампочка не загорелась. Парень решил идти дальше и показать свою техническую эрудицию. Он забрался на кровать и, опираясь на спинку, дотянулся руками до лампочки, до цоколя, до провода, питающего лампочку. И тут случилось это самое: «вдруг!». Что-то в руках парня сверкнуло, и он, дёргаясь, повис, держась руками за провод, ногами опираясь о кровать, которая другой стороной соприкасалась вплотную с батареей центрального отопления, а это, как известно, является отличным заземлением.

Друг пытался помочь ему. Он обхватил товарища поперёк туловища и пытался оторвать его от провода. Хорошо, что по случайности он сам не дотронулся до кровати. На шум вбежал проходивший мимо студент и, щёлкнув выключателем, отключил напряжение. До глубокой ночи шла суета. Скорая помощь зафиксировала «летальный исход». Оставшимся в живых абитуриентам выдали матрасы.

Товарища погибшего абитуриента уговорили съездить за родителями, а на его всхлипывания ему объявили, что он будет зачислен на учёбу без дальнейших экзаменов.

Пока я утром, плохо выспавшись, шёл к учебному корпусу, под градом вопросов о несчастном случае, Сюрик, уже успевший накуриться, встретил меня очень «свежей новостью»: в списках допущенных на следующий экзамен мы не значимся и он уже взял документы и идёт за своим сундучком, чтобы ехать домой.

После вчерашнего происшествия, как-то нехорошо было на душе, и я с облегчением пошёл за своими документами. В учебном корпусе меня окликнул один из сдававших экзамены в нашей группе.

– Ты чего пришёл? Мы сдаём экзамен после обеда.

– Какого обеда? – возразил я. – Мы же не допущены на второй экзамен, нас же с Сюриком в списке нет.

– Да ты чего, Сюрика твоего нет, а ты в списке на первом месте. Иди, вон, посмотри сам. – И потащил меня к доске объявлений. Да, действительно, моя фамилия возглавляла список лиц, допущенных к следующему экзамену. Правда, список допущенных абитуриентов был раза в два короче списка на первый экзамен.

У нас с Сюриком была договорённость, прямо надо сказать, джентльменская: если один не поступает, то и второй отказывается от поступления.

Когда я затребовал свои бумаги, секретарша только спросила: это у вас вчера произошло? И на мой кивок сказала сочувственно: понимаю... – И отдала мне мои документы.

Какие чувства обуревали меня, когда мы приехали на вокзал?

Да никакие, примерно такие же, когда приезжаешь на вокзал с базара, после продажи даров леса. Лишь запомнилась мелодия и слова песни, доносившейся из репродуктора: «Ты плыви, наша лодка, плыви...»

Садясь в вагон пригородного поезда, я мысленно пообещал: Я ещё вернусь сюда.

Дома в деревне я ещё некоторое время говорил по-городскому, даже не стесняясь своих недоброжелателей на этот счёт. У меня было предостаточно времени, чтобы переосмыслить эту первую свою попытку, повлиять на свою текущую жизнь.

Стали обозначаться доступные мне планы дальнейшей своей судьбы, а именно: поступить в какое-нибудь училище, какое – не имело абсолютно никакого значения, лишь бы там кормили, одевали и дали специальность, чтобы я, пользуясь ей, смог зарабатывать себе на кусок хлеба, а лучше, чтоб ещё и с маслом. Обеспечив таким способом себе средства к существованию, я смогу в дальнейшем подумать о продолжении образования.

Оставалось только выбрать направление моих поисков того желанного училища, в котором я бы смог сытым и одетым получить специальность.

Глава 5. В дорогу дальнюю

Второй раз пытаться ехать в город мне не хотелось, да и не было там того, что мне нужно было. Я владел информацией от своих старших товарищей, которые уже прошли этот путь. Один из них рассказывал про шахтёрский городок, который располагался на Северном Урале. Он, с каким-то азартом, произносил названия шахт, посёлков, а то и речек, а для меня, проникновенно знакомого с путешествиями Пржевальского и других русских землепроходцев, подобные названия всегда были овеяны романтикой. Я нашёл на карте этот городок, определил, через какие малые и большие города был проложен туда железнодорожный путь, и понял, что это как раз то, что мне подходит.

Шурик, после нашей первой вылазки, далеко от меня не отходил и постоянно интересовался дальнейшей перспективой. Я уже даже привык к нашему тандему. Впрочем, это обычное явление в жизни, когда мелкий фактурой человек старается дружить с более габаритным другом, тем самым усиливая свою независимость и амбиции перед другими ребятами. К тому же Шурик был шустрее меня в ситуациях, где не требовалось необходимой рассудительности. Шурик без рассуждений согласился с моим маршрутом. Пришёл тот час, когда я и Шурик со своим сундучком отправились в дорогу – в дорогу для нас непомерно дальнюю, неизвестную и оттого необычайно привлекательную, особенно что касалось меня.

Какими Шурик располагал денежными средствами для этого путешествия, я не знал. Я никогда не интересовался чужими кошельками, точнее их содержимым. У меня же денег было только в один конец, как у японских камикадзе, которых отправили бомбить Пёрл-Харбор, заправив их самолёты горючим только до цели. Кстати, когда я отправлялся в дорогу, матери дома не было. Как позже выяснилось, она где-то пыталась раздобыть денег мне на дорогу.

В железнодорожной кассе мы проигнорировали мягкие, купейные, плацкартные вагоны, так как нас очаровал общий вагон своей доступной ценой. Так что у меня образовалась свободная от обязательных затрат мелочь. Шурик тоже остался очень доволен такой экономией средств, так как у него были финансовые обязательства перед табачной промышленностью. Да и о чём было беспокоиться: ведь едем на всё готовенькое, там нас накормят, оденут, предоставят удобное тёплое, чистое жильё. От этих благодатных мыслей наши организмы источали флюиды восторга. В нашем купе, в которое мы ловко заселились, ехали довольно пожилые пассажиры, и тут мы поняли преимущества своего возраста. Третьи полки, под самым потолком купе, оказались не занятыми, и мы с Шуриком, подбадриваемые тяжёлыми на подъём пассажирами, забрались туда и удобно устроились там. В Москве мы с большой неохотой покидали это насиженное, а скорее налёжанное, уютное место.

В Москве, как оказалось, мы стали транзитными пассажирами и сразу же посредством метро, другого транспорта, переместились на нужный нам вокзал, где и закомпостировали свои билеты, теперь уж на очень дальнюю дорогу, аж на самый Северный Урал. За компостер, правда, пришлось доплатить немного денег. Так же экономно мы поели, даже что-то приобрели из пищи на дорогу. Что самое интересное, от необычности нашего дорожного состояния, голода не чувствовалось. Где-то что-то съели, ненадолго присели, и силы снова возвращались в организмы. Физическая мобилизация стимулировалась возбуждением.

Был уже конец лета. Прогулявшиеся, промотавшиеся отпускники возвращались на свои работы, на Урал-батюшку, кормильца их и поильца. Так некоторые из них выражались, глотнув, на последние отпускные денежки, водочки. В связи с этим в общих вагонах повернуться было негде. Так что никаких нам с Шуриком третьих полок не досталось. Там так плотно обжились, что с этих третьих полок свисала не одна пара ног, одухотворяя купе необычно убийственной вонью. Мы с Шуриком всё же успели занять сидячее место на нижней скамейке в уголке.

Прошло всего несколько часов, как поезд был в пути, а в вагоне уже нечем стало дышать. Вернее, дышать было чем, но эта смесь вряд ли годилась для нормального дыхания. Курильщики нещадно курили, озонировали также воздух давно не мытые тела, дыхание с водочным перегаром, а об одежде и обуви, пропотелой, прокопчённой, и говорить было нечего. Не знаю, это выдумка или исторический факт, но учёные утверждают, что человек на заре своего появления на земле источал трупный запах, а хищные звери, как известно, падалью не питаются. Завидев хищника, человеку достаточно было просто лечь, и он был надёжно защищен смрадным запахом. Так что отсутствие личной гигиены спасло в своё время человечество.

Нет-нет но и в наше время нередко проявляются инстинкты наших древних прародителей. Не знаю, как Шурику, но мне, привыкшему к свежему лесному, полевому воздуху, с ночлегами на душистых сеновалах, считай всё лето и до поздней осени, было дурно. Но не одному мне приходилось тяжело дышать этой смесью. Некоторые не выдерживали и пытались открыть вагонные окна, но если кому это и удавалось сделать, то в это отверстие сразу же залетал густой ядовитый паровозный дым, пожалуй, хуже, чем душный вагонный воздух. А ведь ехать нам с Шуриком до места назначения предстояло несколько суток и вот в таком дурмане.

Проводники обходили этот вагон стороной, в буквальном смысле этого слова. Они не проходили через наш вагон, даже если у них появлялась нужда попасть в другой вагон. Они обходили этот грязный вагон по перрону. Очень медленно тянулись дни, особенно ночи. Поезд, продвигаясь на северо-восток, оставлял позади малые и большие города. Количество пассажиров в этой душегубке понемногу уменьшалось. Примерно за сутки до окончания нашего пути в вагоне стало свободно настолько, что мы могли, удобно устроившись, отоспаться. Выбравшись на вокзал этого небольшого шахтёрского городка, мы поинтересовались, как и на чём нам добраться до училища.

Женщина, к которой мы обратились с этим вопросом, немного помедлила и, когда у неё в голове созрел ответ, достаточно лаконично проинформировала: прямо, до улицы Советской, направо по ней, до училища. «На чём» – у нас нет. Да тут и недалеко. Так оно всё и получилось. Не обременённые тяжёлыми, большими чемоданами, если не считать крохотного сундучка Шурика, мы очень скоро подошли к подъезду Горнопромышленного училища, о чём нам утвердительно сообщила большая вывеска. Пожилой вахтёр, узнав, что перед ним не шалопаи, а вполне солидные люди, к тому же желающие здесь обучаться, иначе зачем они бы приехали за сто вёрст «киселя хлебать», объяснил, как попасть к секретарю по приёму.

Секретарь объяснил, что комиссия по приёму и зачислению в училище будет работать через три дня. Экзаменов для поступающих ребят в училище – нет. Нужно только пройти медицинскую комиссию и получить справку «по форме», тем, у кого её нет. Разумеется, представить удостоверение личности, каковым должен являться паспорт. Мы с Шуриком были не единственными, у которых этот документ заменяли всевозможные справки с места жительства от сельсоветов, колхозов и других бесправных поселений. Так что секретарь, после непродолжительной беседы, направил нас на второй этаж, где находились спальни.

Что такое казарма в армии, я, по рассказам отслуживших ребят, имел представление. Так что вот эти училищные спальни были очень похожи на армейские казармы. Несмотря на многолюдство, в огромной спаленке мы отыскали две не занятые кровати. Взяли, по примеру других, из высокой стопки в углу матрацы. Таким образом, первый пункт нашего представления о гостеприимстве училища, так или иначе, был как-никак выполнен. Что же касалось питания, одевания, то с этим нужно было обождать. Так как мог быть отсеб по каким-нибудь причинам, и только принятый в число учащихся мог иметь право на еду и одежду. Первый ночлег в этой училищной ночлежке мало чем отличался от общего вагона.

Пацанам, как себя называли обитатели этой ночлежки, спать совсем не хотелось. Почувствовав себя вольными казаками, они до одури курили, громко, не стесняясь, рассказывали похабные анекдоты, хохотали и ржали так громко, что стёкла в окнах дребезжали. Придумыв-

вали и другие аттракционы, такие, как прыгать с кровати на кровать, бросаться подушками, которые были в избытке, правда, без всяких наволочек. В этих подушках, когда-то набитых ватой, образовались комья, больше похожие на булыжники, отчего они стали более увесистыми. Шурик уже нашёл себе нового компаньона. Это был огромный верзила, то ли Стёпа, то ли Федя, а физический объём, в подобных коллективах, уже являлся авторитетом.

Шурик уже угощал его папиросами, подносил зажжённую спичку, и как говорят в подобных случаях, оформился в «шестёрки», получив за это опекунство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.